

УДК 168.552.811.161.Г

Новикова Т.Ф.
(Белгород, Россия)

ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ СЛОВАРЯ ЯЗЫКА РЕГИОНА

У статті обґрунтовується необхідність створення словника мови регіону й наводиться список регіональних слів (регіоналізмів): українізмів і мікротопонімів.

Ключові слова: діалектизм, лінгворегіоналізм, українізм, мікротопонім

В статье обосновывается необходимость создания словаря языка региона и приводится список региональных слов (регионализмов): украинизмов и микротопонимов.

Ключевые слова: диалектизм, лингворегионализм, украинизм, микротопоним.

The necessity of creation of vocabulary of regional language is pointed out in this article.

Key words: dialectizm, lingvoregionalizm, Ukrainizm, microtoponim.

Представление о языке как о сложной, многослойной структуре возникло в лингвистике сравнительно недавно. Еще несколько лет назад лингвисты довольствовались противопоставлением литературного языка диалекту. В наши дни в цепочке языковых состояний как особое звено, существенное для современных социолингвистических исследований, все чаще выделяются такие понятия, как «региональные говоры», «региональный язык», обозначающие группу переходных и не вполне неустойчивых языковых состояний. Можно констатировать, что мы присутствуем сейчас при трансформации былых диалектов в местную региональную речь, которая остается одной из репрезентативных характеристик региона. Более того: перерождение диалектов в региональные языки (региолекты) является одной из существенных особенностей современного языкового развития. В принципе, диалект уже в конце XX в. рассматривался «как субстрат региональной речи/региональных говоров/языков...» [1: 34]. Однако насколько привычны и определённые термины «диалект», «полудиалект», «социалект», настолько расплывчато-неопределённые терминологические сочетания «региональный язык», «язык региона», а также термин «региолект». Для обозначения языка региона возможно, помимо названных, также терминологическое «территориальное койне», хотя в целом все названные термины вряд ли можно рассматривать как рядоположенные или синонимичные. Как отмечает Е.Н. Степанов, «русские лингвисты предпочитают давно известному в лингвистике термину «койне» новый термин «региолект» [2:13]; сам автор употребляет эти термины как синонимичные, взаимозаменяемые понятия, например, в тезисе: «Русская

© Новикова Т.Ф., 2011

речь представителей диаспоры, не утрачивая общерусской концептуальной базы, нередко приобретает фонетические, лексические, грамматические и другие особенности <...>, формируя территориальные койне (региолекты)» [2:13].

Так как литературный язык противопоставлялся диалектному в течение длительного времени, а соотношение «литературный язык – региональный язык» возникло совсем недавно, вполне естественно, что явление, обозначаемое как «региональный язык» («региолект» и др.) изучено значительно меньше, чем диалектный, что не удивительно, поскольку это «наиболее поздняя языковая формация» [1: 34]. Мы склонны использовать для обозначения этой «языковой формации» наиболее распространенный термин – региолект.

Так что же такое региолект? Региолект – особая форма устной речи, в которой уже утрачены многие архаические черты диалекта и развились новые черты и особенности; это норма, с одной стороны, не достигшая статуса литературного языка, а с другой стороны, в силу наличия множества ареально варьируемых черт, не совпадающая с городским просторечием. Наличие этой формы дает основания утверждать: «выделение региолекта постулирует факт наличия особого языкового состояния, которое оказывается едва ли не основной формой устно-речевого общения больших групп этноса на определенной территории» [3: 13].

Не менее актуальной является проблема систематизации и лексикографирования регионального языкового материала, что находит подтверждение в работах современных социолингвистов: «Для русской лексикографии крайне актуально создание социолингвистически ориентированного словаря с фиксацией районов бытования регионализмов, как общепотребительных <...>, так и социолектно ограниченных...» [4: 182]. Обозначенная проблема распадается как минимум на две подпроблемы: возможность включения регионализмов в нормативные словари и создание специальных словарей региона.

Региональные словоупотребления иногда проникали в словари, но ограниченно и только с пометой *обл.*, которая их выводила за пределы литературной нормы. В единичных случаях словари, отмечая региональность лексемы, связывали ее с реальией, например, в словаре Ушакова дано: *хата* – ‘крестьянский дом, бревенчатый или мазанка, в украинской или южнорусской деревне’; «между тем житель Ростова или Белгорода назовет хатой и подмосковное, и архангельское сельское жилище...», считает В.И.Беликов, утверждая далее, что многие такого рода языковые единицы оказываются «единственно используемым в повседневной практике способом обозначения определенного понятия для тех лиц, которых никак нельзя исключить из числа носителей литературного языка, например, вузовских русистов» [4: 181].

Бесспорно, что источником регионально-нормативной лексики являются не только диалекты – часто происходит параллельная номинация новых понятий, сравним, например, разные названия в регионах одной и той же ягоды: *садовая земляника-клубника-полуника-виктория*, уникальное название выдвигного ящика письменного стола или буфета *шувфлядка*, имеющего распространение в западных регионах, где оно подерживается польским и украинским языком и др. факты. В.И.Беликовым приводится пример неоправданного, на его взгляд, исключения из литературной нормы слова *чугунка*: в МАС ему дана помета *прост., устар.*, т.е. «устаревание слова в «лексикографиче-

ских» центрах автоматически перевело его и в других регионах в разряд просторечных», но, как считает автор, в русском языке Белоруссии этому словоупотреблению устареть «практически невозможно, поскольку оно поддерживается белорусским *чугунка* в том же значении [4: 181].

Язык региона – понятие всегда неоднородное и трудно поддающееся систематизации. Одни элементы языка региона изучены и описаны лучше (литературный язык, диалекты, жаргоны), другие – гораздо в меньшей степени (социолекты, просторечие); к числу недостаточно изученных следует отнести вопрос взаимовлияния и интерференции языков [См. подробнее об этом 5]. У нас есть основания утверждать, что Белгородский регион располагает ярким, самобытным языковым материалом, и этот языковой материал вполне мог бы быть сосредоточен в словаре региона (словаре регионализмов). В данной статье мы хотели бы рассмотреть некоторые языковые явления с позиций их возможного включения в словарь регионализмов Белгородской области.

Идеи создания словарей, позволяющих практически доказать региональную (локальную) вариативность литературного языка, уже начали обсуждаться в современной лингвистике. Т.И.Ерофеева, занимающаяся в настоящее время составлением глоссария пермских локализмов, называет в качестве актуальной для словаря лексику трёх сфер: диалектные элементы, характерные для местной речи; городские по происхождению элементы – урбанизмы; единицы, которые квалифицируются словарями современного языка как просторечные или устаревшие литературные, но имеют подчеркнуто широкое использование в речи жителей данного региона, в отличие от других областей [6: 107]. Безусловно, подобная региональная лексика достаточно четко структурно организована, т.к. в ее составе могут быть и слова литературного языка, и жаргонизмы, диалектные формы, и антропонимы, и топонимы [1: 31; 5: 7 и др.]. Наряду с термином «диалектизм» в специальных исследованиях также используются понятия «локализм», «провинциализм» («провинциализм»), «регионализм», но все эти термины еще не устоялись, не получили широкого распространения. Например, Ерофеева Т.И. определяет локализмы «как лексико-семантические варианты, не принадлежащие кодифицированным единицам русского литературного языка, однако употребляемых в локально окрашенной речи» [6: 106]. Приведенное определение связывает понятия «локализм» и «диалектизм», между тем как точнее в этом случае было бы использование понятия «регионализм». По сравнению с активно употребляемыми терминами (безэквивалентная лексика, диалектизмы, этнографизмы и др.) регионализмы пока не получили «прописки» в лингвистическом дискурсе. Определение регионализма не обнаружено нами в большинстве активно используемых специальных и толковых словарей. (Более распространено функционирование термина регионализм как термина общественно-политического: «Регионализм – рассмотрение и решение различных проблем с точки зрения потребностей того или иного региона [7: 686]). Можно предположить, что данный термин возник как современный эквивалент ушедшего в пассив термина провинциализм. Констатируем, что такое явление, как регионализмы, т.е. специфические, только в данном регионе понятные и употребляемые слова и выражения, наименьшей степени изучено, если не сказать больше – не изучено. Например, мы склонны считать, что регионализмом может быть не только диалектное, но и широкоупотребительное в современной речи слово или выраже-

ние. Примером присутствия «региональных коннотаций» может служить регионализм *Крейда* (от нем. *Kreide* - «мел») – местное название городской окраины, где обычно и располагались строительные предприятия, в т.ч. по переработке мела; в настоящее время функционирует как имя собственное – топоним, локализм [8: 106].

Особое место в словаре регионализмов займут топонимы и микротопонимы, в первую очередь – неофициальные микротопонимы. В микротопонимии и неофициальной топонимии наиболее отчетливо проявляется региональность как отражение языковых черт определенного региона. Мы считаем, что микротопонимы должны быть отнесены к регионализмам, что можно подтвердить перечислением некоторых белгородских микротопонимов: вышеназванная *Крейда*, *Харьковская гора*, *Болховец*, *Пескарьер*, *Богданка* и др. Например, *Богданка* - неофициальное название главной улицы Белгорода – проспекта им. Богдана Хмельницкого, являющегося частью трассы Москва-Симферополь. Именно неофициальный микротопоним в речи белгородцев употребляется чаще, чем неофициальный, что объясняется краткостью и выразительностью первого. Если гости Белгорода спросят местных жителей, на какой улице расположен автовокзал, то в ответ скорее всего услышат: «на Богданке», а не «на проспекте Богдана Хмельницкого». Это неофициальное наименование улицы легло в основу названия магазина бытовой техники, расположенного на проспекте Богдана Хмельницкого, - «Богданка-38». Также неофициальное название Богданка вошло в состав такого «народного» наименования, как *Малая Богданка*. Этот микротопоним используется не только в разговорной речи белгородцев, но и средствах массовой информации - в местных передачах радио, телевидения, в рекламных объявлениях.

К несомненным регионализмам могут быть отнесены все топонимы и микротопонимы в составе устойчивых выражений: *жить на Горе* (далеко, не в центре: *Харьковская гора* – название «спального» микрорайона), *скоро в Ячнево* (о близкой смерти: *Ячнево* – место расположения кладбища), *пора на Новую* (в связи со странностями поведения кого-либо: на ул. *Новой* в г. Белгороде находится областная психиатрическая больница) и др. [8: 106].

Более подробно мы хотели бы сосредоточиться на рассмотрении украинизмов как языковых единиц с региональным культурным компонентом, подлежащих включению в словарь регионализмов Белгородской области.

Специфика фонетического и грамматического строя, лексических особенностей белгородских говоров в первую очередь связана с географическим положением края, соседствующего с Украиной. Носители говоров данной зоны исторически составляют две этнические группы: русские и украинцы с левобережья Днепра. Этим историческим фактом объясняется тесное взаимодействие между русскими и украинскими говорами, продолжающееся более 300 лет. Но, к сожалению, вопросы т.н. «контактной лингвистики», лингвистики языковых контактов, сосуществования и взаимовлияния языков недостаточно изучены, редко становятся предметом исследования. А ведь именно этническое и языковое сосуществование определяет специфику приграничных регионов, к которым относится и Белгородская область. В частности, как известно, в Белгородской области в ряде районов отмечается фактическое двуязычие: дома – украинский язык, на работе, в официальной обстановке – русский язык. Эта ситуация образно представлена в очерке

А. Стреляного «В гостях у матери»: «...Вблизи проходит граница между Россией и Украиной, и украинские села здесь забегают в Россию, а русские – на Украину, они переплетаются подобно пальцам в замке рук...То же самое и с языками. Сегодня на совещании в районе человек выступает по-русски, а завтра – по-украински, все зависит от случая и обстановки – от того, например, оправдывается он или кого-нибудь критикует, отбивает очередь или говорит серьезно...»

Наличие «особого языка» в Белгородской области бросается в глаза даже неспециалистам в области языка, но объектом рассмотрения специалистов становится довольно редко. Заметных работ по русско-украинскому двуязычию в Центральном Черноземье в последнее время почти не появлялось. Кстати, исследование особенностей функционирования русского языка в различных регионах Украины ведется гораздо более активно – сошлемся на работы Е.Н.Степанова по «одесскому языку», А.Н. Рудякова по «крымскому русскому» и др. [2, 9, 10, 12].

Украинизмы как явление ареальной лексики, связанное с границей русских говоров, без сомнения, заслуживает внимания филологов. Именно здесь отмечается наличие лексики, отличной от русского литературного языка, но аналогичной украинскому языку, например, такие языковые единицы, как *шукать, ховать, брехать, балакать, серники, гарбуз, дробына, мотузка* и др., встречающиеся в речи не только сельских жителей старшего возраста, но и в речи современных молодых горожан. Без перевода понятны любому жителю Белгородчины слова *буряк, кавун, глэчик, рушник, криница, пляшка, трынькать/растрынькать, позычить, порепаться* и др.

Характеризуя особенности функционирования украинизмов в региолекте Белгородской области, следует указать на их особый статус именно в данном языковом образовании. В традиционной лингвистике украинизмы принято рассматривать как заимствованные слова – или как диалектизмы, если речь идет о южных говорах. На наш взгляд, безоговорочно с этим утверждением согласиться нельзя. Украинизмы, функционируемые в современной русской речи, можно разделить как минимум на две группы:

1) украинские слова, не имеющие эквивалентов в русском языке: номинации обычаев, установок, общественных законов, у которых есть обозначение в украинском языке, а в русском выражение данного обозначения отсутствует, является своего рода лакуной, для чего в русском языке используются слова, заимствованные из языка-оригинала, в данном случае – украинского; это воинские звания, связанные с историей (*гетман, козак, кошевой*); названия украинских блюд, напитков (*горилка, кулеш, галушки, писанка*); названия одежды, обуви, причесок (*оселедец, вышиванка, шаровары, свитка, плахта*) и др. [См.: 10: 3-4].

2) украинизмы, которые естественны в современной речи белгородцев и не расцениваются ими как заимствования: *гарбуз* (тыква), *кавун* (арбуз), *криница* (родник), *шлях* (дорога), *жменя* (горсть), *трошки* (немного), *будяки* (сорняки), *затишек* (уют), *ледачий* (никудышный), *фортка* (калитка) и др.

Именно вторую группу украинизмов мы склонны рассматривать как областные слова, регионализмы, т.е. «языковые факты с регионально актуальным и с позиций регионального культурного фона объяснимым компонентом значения» [8: 262]. Например, украинизмом, который может быть отнесен к лингворегионализмам (поскольку употре-

бляется в речи белгородцев абсолютно всех возрастов), мы считаем лексему *шкодить* (баловаться, вредить по мелочи) - от укр. *шкодити* - 'вредить' [11: 624]. Широко используются и производные данного слова: *шкода*, *шкодливый* – в значении 'балованный', 'способный на проделки'. Также весьма распространенным в речи местной молодежи является определение *недалый*. Именно так молодые белгородцы назовут неумелого, неделового человека. Прилагательное *недалый* позаимствовано из украинского языка, где оно как раз обозначает 'неудачный, неуспешный' [11: 347], но, тем не менее, ни один из 20 опрошенных нами студентов-белгородцев не «опознал» в нем украинского заимствования, наоборот, считали его русским или парировали: «все так говорят». Назовем еще несколько лексических регионализмов, свидетельствующих о широкой представленности украинского «элемента» в речи современных белгородцев.

- *Багно* - болото, трясына, жидкая грязь: «*Как же сажать, если посреди огорода до сих пор багно?*»

- *Байдуже* – безразлично (от украинского байдужий – безразличный, равнодушный): «*Люди страдают, а ему и байдуже...*»

- *Гак* – привесок, прибавка, обычно в выражении «с гаком»: «*Там килограмм с гаком будет*»

- *Ганчирка* – грязная тряпка: «*Что за ганчирку ты на себя напялила?*»

- *Дратовать* – дразнить: «*Хватит kota дратовать!*»

- *Дрот* – проволока: «*У неё волосья как дрот*»

- *Дрючок* – крючок: «*Хоть бы дрючок какой прибил у входа*»

- *Дуже* – очень: «*Ты мне дуже много картошки наложила...*»

- *Жито* – хлеб в поле: «*Ой, жито в этот год какое сорное!*»

- *Жменя, жменька* – горсть: «*Жменька семечек*» и др.

В большинстве населенных пунктах Белгородской области можно констатировать функционирование такого языкового явления как суржик. Суржик лингвистами рассматривается как некодифицированное речевое явление, которое возникло вследствие продолжительного контактного украинско-русского двуязычия. Суржик возник в результате интерференции двух близких, но неодинаковых языковых систем на фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом уровнях. Суржик репрезентируется цельнооформленными лексемами, которые накладываются на украинскую или русскую языковую основу. Очевидно, языковые единицы этого уровня следует обозначать как «суржикизмы». К этому явлению специалисты относятся по-разному. Например, исследователь А.Н.Стебунова высказывает резко отрицательное отношение к суржику, по ее мнению, «господствующему» ныне в Восточной Украине. Суржик, пишет она, «не какое-либо уникальное явление (как, например, американский английский), потому что никакого нового качества суржик не содержит, никакого синтеза языков и культур в нем не наблюдается. Суржик - это не взаимообогащение, а взаимообкрадывание, взаимозасорение языков [12: 549], приводя далее примеры не существующих в русском языке слов: *шо, чи, ото ж, не* (в значении нет), *позычить, скунуться* (в значении накупить), *словить, стоймать*, грамматических «перлов»: «*Я за него тебе говорила*» (в смысле – о нем), «*Я с него смеюсь*», «*Поехал у Харьков*» и т.д., Думается, не стоит столь «сурово» оценивать

это живое языковое явление; наоборот, как нам кажется, эта зона национального языка нуждается в осмыслении, исследовании, описании. Определенную часть «суржикизмов» и просторечной лексики мы склонны также рассматривать в качестве лингворегионализмов, например, *позычить, словить, прискипаться* и др.

Таким образом, наличие массива несистематизированного регионального языкового материала свидетельствует о необходимости и возможности создания оригинального словаря лингворегионализмов Белгородской области.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бородина М.А. Диалекты или региональные языки? (К проблеме языковой ситуации в современной Франции) // Вопросы языкознания. - 1982. - № 5. - С. 29-38.
2. Степанов Е.Н. Национальные варианты русского языка или русские территориальные койне? // Мова: науково-теоретичний часопис з мовознавства. – Одесса, 2011. - №16. - С. 9-15.
3. Герд А.С. Введение в этнолингвистику: учебное пособие. – СПб, 1995 – 92 с.
4. В.И.Беликов Задачи социальной лексикографии//Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка: труды и материалы/Сост. М.Л.Ремнёва, О.В.Дедова, А.А.Поликарпов. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – с. 181-182
5. Новикова Т.Ф. Лингворегионоведение: программа и программно-методические материалы. - Белгород, 2010. – 76 с.
6. Ерофеева Т.И. Словари городской диалектологии как лексикографической интерпретации языковой реальности //Новые версии лексикографической интерпретации языковой реальности: материалы Всероссийской научной конференции «Язык. Система. Личность: Современная языковая ситуация и ее лексикографическое представление». - Екатеринбург, 2010. – 188с.
7. Новейший словарь иностранных слов и выражений. – М.: Современный литератор, 2003. – 350 с.
8. Новикова Т.Ф. Регионализмы как единицы языка с национально – культурным компонентом значения //Фразеология и когнитивистика: материалы I Международной научной конференции: в 2 т. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. – Т.2. – С.256-262
9. Рудяков А.Н. Георусистика и украинский национальный вариант русского языка// Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка: труды и материалы. – М.: Изд-во МГУ, 2010. – С. 672
10. Озерова Н.Г. Украинизмы в русской газетной речи на рубеже тысячелетий// Русский язык и литература в учебных заведениях. – 2002. - №5. – С. 2-4
11. Новий українсько-російський і російсько-український словник. - Харків: ЧП «Див», 2007. – 576с.
12. Стебунова А.Н. Языковая ситуация востока Украины: день сегодняшний и будущий//Русский язык: исторические судьбы и современность: 2 Международный конгресс исследователей русского языка: труды и материалы. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – С. 549